

К.В. Киселев

**К ВОПРОСУ О ЛОГИКЕ РАЗВИТИЯ
ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ
МИРОВОЙ ПАРТИИ
(Коминтерн и судьба мирового коммунизма)**

Нам не дано воскрешать
Старые споры и партии,
Нам не дано шагать
За продраным барабаном,
А те, и что были против,
И против кого они были,
Признали закон молчанья
И стали единой партией.

Т.С. Элиот

Рубеж времен неизбежно порождает крайности, предельно поляризуя оценки исторических событий. Тенденции смещения мнений по отношению к коммунизму, коммунистической идеологии и коммунистическим организациям прослеживаются довольно отчетливо. Призрак, обретший в XX в. кровь и плоть, готов уже уйти в небытие, взявшись за ручку европейской двери. Стоит ли жалеть об уходящем? Долговечна ли интеллектуальная мода на коммунизм в России? Найдут ли либералы достойный ответ “патриотам” и коммунистам? На каком политическом языке российские коммунисты будут разговаривать с патриотами и националистами? Как коммунисты “третьего мира” смогут адаптироваться к реалиям XXI в.? Вопросы, заставляющие вновь и вновь возвращаться к истории Коммунистического Интернационала и октябрьских событий 1917 г. Лишь сегодня, когда и то, что называется “мировым коммунистическим движением”, и мифы, связанные, с одной стороны, с его “марксистско-ленинским” изучением и, с другой, с либеральной критикой политического опыта коммунистических партий, фактически разрушены, можно представить действительную организационную логику развития мирового коммунизма.

Октябрь 1917 г. и международное революционное движение связаны были изначально. Взаимосвязи эти отличались многообразием, неоднозначностью. Но сразу же после октябрьского переворота со стороны руководства российских большевиков проявилось стремление к их унификации, “заключению” в жесткие организационные рамки, предполагавшие и всеобщее признание некоторых идеологических догм и политических схем. В.И. Ленин в это время открыто призывал к поддержке всеми доступными средствами Советской России, в которой он видел плацдарм для развития революционного процесса в планетарном масштабе. “Мы ставим ставку на неизбежность международной революции”¹; “Пролетарские массы обеспечат Советской республике победу над чехословаками и возможность удержаться до тех пор, пока не вспыхнет всемирная социалистическая революция”²; “Правы были большевики, всю тактику строившие на поддержке всемирной рабочей революции и не боявшиеся приносить различные тягчайшие жертвы”³. Такие утверждения обычны и для политических, и для теоретических работ Ленина послереволюционного периода. Причем подобную позицию занимали (с некоторыми нюансами) не только лидеры большевиков, но и многие деятели левого крыла социал-демократии за рубежом. Леворадикалы Испании, Германии, Великобритании, других стран уверенно держали курс на революционное ниспровержение “представительной демократии”, “владычества буржуазии” и расширение революционного плацдарма. Препятствие для осуществления этих грандиозных планов Ленин видел в отсутствии организованной силы (подобной партии большевиков в России) для начала активных революционных действий. Понятно, что усилия сторонников ленинского курса прилагались в этом направлении – отмежеваться от “социал-предателей”, “сторожевых псов

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.37. С. 64.

² Там же. С. 73.

³ Там же. С. 98.

империализма”, “лакейских душ” и создать международную партию революционеров.

Проблема готовности коммунистов различных стран к конституированию во всемирную партию если и стояла, то весьма условно. Она просуществовала лишь несколько дней благодаря Г. Эбердейну (КПП), возражавшему (в соответствии с решением своего ЦК) против незамедлительного организационного оформления Коммунистического Интернационала на конференции коммунистов в марте 1919 г. Его предложение о продолжении конференции, которая и должна была подготовить Учредительный съезд Коминтерна, существенной поддержки не получило. Конференция преобразовала себя в Первый конгресс мировой коммунистической партии без помех. Позиция собравшихся в Москве делегатов весьма показательна: основать Третий Интернационал во что бы то ни стало.

Несмотря на успехи социал-демократов в той же Австрии в начале 1919 г., добившихся президентского поста (тогда как коммунисты насчитывали в конце 1918 г. в момент образования партии 50 человек), весьма проблематичную ситуацию в Венгрии, раздробленность и малочисленность коммунистических ячеек практически во всех странах, минимум времени на подготовку конгресса, неустойчивость, зыбкость политической ситуации очевидны. Тем более, что революционные выступления в Австрии, Германии, Финляндии в 1918 г. закончились провалом. Аргументы против поспешности основания Коминтерна, в поддержку позиции ЦК КПП можно множить и множить, но все их перевешивает один – наличие плацдарма для мировой революции пролетариата, опорной базы коммунистов всего мира, победа большевиков в России. Социализм в одной стране и мировое коммунистическое движение – дети одной матери – Октябрьской революции. Степень оформленности коммунистических партий, их влияние на массы, даже политическая ситуация в Европе оказывались второстепенными факторами в святом деле насильственного переустройства мира.

Организационная аморфность и теоретическая несостоятельность многообразных коммунистических групп были даже *необходимы* для основания нового Интернационала. Построение жестко централизованной, подчиненной одной схеме мировой партии проще начинать с восторженными энтузиастами-одиночками, чем с трезвыми опытными политиками, имеющими устойчивые каналы связи с массами, пользующимися авторитетом. Кризисная, переломная ситуация также играла на руку организаторам Интернационала коммунистов. “Левые среди левых” стремились не упустить революционную инициативу, направить бушующую энергию протеста масс в русло революционных преобразований. А опасность оказаться вторыми для коммунистов была. В начале февраля 1919 г. довольно весомо заявила о себе Бернская конференция социалистов. Московский конгресс опоздал ровно на месяц, несмотря на все усилия Ленина и его сподвижников в разных странах мира. Планы образования международного союза коммунистов существовали уже в 1917 г. Но попытки претворения в жизнь провалились по не зависящим от коммунистов России причинам. Достаточно вспомнить неудавшуюся поездку делегации ВЦИКа в Стокгольм в конце 1917 г., отказ от участия в конференции социалистов в Лондоне в феврале 1918 г., призывы к бойкоту социалистической конференции, планируемой в Лозанне в 1918 г. Ленин после октябрьских событий постоянно требует “находить” левых и помогать им, призывает не жалеть денег для большевистской пропаганды⁴. Наконец, в конце 1918 г. Ленин дает прямое указание Г.В. Чичерину максимально быстро “подготовить международную социалистическую конференцию для основания III Интернационала”⁵.

Уже при подготовке конференции коммунистов в Москве Ленин рекомендует в основу платформы будущего Интернационала положить принципы большевизма (вплоть до заимствования из проекта программы РКП(б)) и близкие им программные установки

⁴ См., напр.: Ленин В.И. Пол. собр. соч. Т.50. С. 195, 201, 204 и т.д.

⁵ Там же. С. 227.

группы “Союз Спартака”, а в качестве основного организационного принципа признать необходимость размежевания с “социал-патриотами”. Заметим, что в это время Ленин называет лишь около десятка партий и групп, включая коммунистов и левых социал-демократов России, Украины, Латвии, Литвы, Эстляндии и Польши, стоящих на базе III Интернационала и достаточно солидарных для его *формального* основания⁶. Очевидно, не случайно для Ленина и его сторонников важно даже формальное объединение ради далеко не формального размежевания с социал-демократами. Ситуация не позволяла большевикам медлить с установлением организационно оформленных контактов с революционерами Запада. С другой стороны, создание международной коммунистической организации было возможным через ее противопоставление и в теоретическом отношении, и на практике социал-демократическому движению. Водораздел между ними проходил по вопросу о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата. Центральный пункт разногласий уже на Первом Конгрессе был выявлен и должным образом зафиксирован: реформисты и радикалы, парламент и винтовка разошлись, объявив друг другу войну.

Действия обеих сторон изначально не предполагали примирения. Но если в принципы Коминтерна органично была заложена враждебность к социал-демократии, то для последней столь однозначная позиция не характера. Несмотря на неприятие диктатуры пролетариата, отрицательное отношение к методам политической борьбы, применяемых большевиками, на Бернской конференции, например, были одновременно приняты две исключаящие друг друга резолюции по вопросу “О демократии и диктатуре”, одна из которых призывала к сплочению революционных сил. Такая осторожность объяснима. Идея поддержки Советской России в это время пользовалась в массах довольно большой популярностью, а большевизм (следовательно, и диктатура пролетариата) прямо отождествлялся с политикой страны Советов. Поэтому однозначное

⁶ Там же. С. 228-230.

отрицание итогов Октября было по политическим мотивам неприемлемым для социал-демократических партий. Заметим, что логическая связка – революция в России – диктатура пролетариата, большевизм – активно использовалась в дальнейшей идеологической деятельности созданного Коммунистического Интернационала.

“Задачей I Конгресса было: поднять коммунистическое *знамя*, провозгласить *идею* Коммунистического Интернационала”, однако существовавшие в это время условия “не позволяли сколь-нибудь широко поставить *практические* вопросы организационного строительства III Интернационала”⁷. Это признание прозвучало на Втором коммунистическом форуме в отчете Исполкома Коминтерна, но выглядело оно как оправдание представителей русских коммунистов, так как именно они взяли на себя практически все вопросы подготовки и созыва конгресса, “узурпировав” организационную инициативу. Если в резолюции по организационным вопросам Первого конгресса отмечалось, что “до прибытия представителей из-за границы товарищи той страны, где находится Исполнительный комитет, берут на себя бремя работы”⁸, то после естественного и закономерного “неприбытия” постоянных уполномоченных зарубежных компартий для работы в ИККИ⁹, ЦК РКП(б) “пришлось взять на себя почти всю текущую работу Исполнительного комитета”¹⁰. Это не могло не наложить отпечатка на документы, подготовленные ко Второму конгрессу, и резолюции, одобренные им. “Русский след” на материалах конгресса виден отчетливо.

Второй конгресс фактически явился действительным началом Коминтерна, и готовили его со всей тщательностью. Митинги и демонстрации в Петрограде, Москве, других городах организовыв-

⁷ Второй Конгресс Коминтерна. Июль-август 1920 г. М., 1934. С. 593.

⁸ Первый конгресс Коминтерна. Март 1919 г. М., 1933. С. 219.

⁹ Зарубежные коммунисты лишь эпизодически участвовали в работе ИККИ. Их постоянное участие “стало возможным” только в период, непосредственно предшествующий созыву Второго конгресса.

¹⁰ Второй конгресс Коминтерна. С. 594.

вались без счета. Петросовет день открытия конгресса объявил выходным. Концерты, премьерные постановки, футбольные матчи, сменяя друг друга, преследовали делегатов повсюду. Естественно, что эта праздничная буря, фейерверк активно демонстрировавшегося энтузиазма не могли не произвести впечатления на лидеров левых партий и групп, приехавших в Россию. Однако предгрозовая феерия (скоро уже грянут крестьянские восстания, кронштадтский “мятеж”) не помешала тому, что на заседаниях конгресса развернулись довольно острые дискуссии по самым различным вопросам. Но спорили “остро и бескомпромиссно”, как правило, левые с ультралевыми, революционеры с ультрареволюционерами, большевики с ультрабольшевиками. Справедливости ради нужно отметить, что на конгрессе присутствовали представители ряда центристских партий, но компромисс с ними, к которому активно призывали “больных левизной”, оговаривался такими условиями, что пойти на него и остаться “центристом” было невозможно. Если на центристов смотрели на конгрессе как на несчастных больных, с трудом поддающихся лечению (в отличие от крайних левых), то с клеймом “реформист” человек (а иногда и целые партии) сразу же попадал в разряд “живых трупов” (Радек). На заседаниях конгресса можно было стерпеть обвинение в сумасшествии, но обвинения в оппортунизме, реформизме вызывали немедленную реакцию “отбеливания” репутации. Понятно стремление некоторых делегатов быть правовернее самого Папы даже в частных вопросах.

Уход многих партий влево закономерен. Причем эволюция образовавшихся в это время коммунистических партий влево осуществлялась в рамках левой части политического спектра. Крайняя “правая” точка этой эволюции – позиции полевевших под давлением обстоятельств социал-демократов. Закономерное стремление быть левее левых социалистов, отмежеваться от них привело революционеров к отрицанию практических всех методов цивилизованной политической борьбы. Но причины “детской болезни” кроются не только в перипетиях эволюции социал-демократического движения, их нельзя свести к реакции на “изменническую” тактику

социал-демократических партий и настроение конкретной политической ситуации. Организаторы Коминтерна изначально делали ставку на крайне левые кружки, группы, партии. Экстремизм позиции, занятой Коминтерном, очевиден, но одновременно Интернационал определенно претендовал на объединение всех леворадикалов (анархистов, синдикалистов, индустриалистов и т.д.).

Попутный, “левый” ветер дул в паруса Коминтерна и с Востока. Левые партии и группы Азии, Африки, Латинской Америки на протяжении всего существования III Интернационала вносили привкус “левизны” в готовящееся блюдо мировой революции. На Втором конгрессе делегаты, несмотря на весь авторитет Ленина, приняли противоречащие друг другу решения по национальному и колониальному вопросам, предложенные, с одной стороны, Владимиром Ильичем, с другой – Роем. Ультралевые тезисы Роя появились не на пустом месте, но реально отражали взгляды многих революционеров Востока. Тактика, вытекающая из формулы – “Восток – пехота мировой революции” (Бухарин), определяла действия многих партий и на Востоке, и на Западе.

В принципе сама постановка вопроса о неизбежности мировой революции, об отрицании всех существующих форм осуществления власти предполагает смыкание левых с ультралевыми, прежде всего в методах ведения политической борьбы. Наглядно это проявилось в отношении Коминтерна к парламентской деятельности, к вопросу об участии коммунистов в “буржуазных парламентах”. Если “больные левизной” считали парламентаризм принципом, не годным для осуществления на практике диктатуры пролетариата, то “здоровые” коммунисты рассматривали работу в парламентах как способ подрыва государственной машины изнутри, а деятельность конкретного парламентария-коммуниста приравнивали к деятельности разведчика в лагере врага. “Левые” и “правые” коммунисты сходились в принципиальном неприятии парламентаризма. Основа различий между ними – разногласия в оценке политического момента. В отличие от “левых” последователи Ленина считали парламентаризм необходимым до тех пор, пока не исчер-

паны его агитационные возможности. Однако, как бы ни были значительны эти возможности, основная борьба с капиталом развернется не в законодательном собрании, считали делегаты конгресса. Резолюция Второго коммунистического форума вообще не ставила задачи добиваться максимального числа парламентских мандатов, напротив, предвыборная кампания должна вестись “в духе революционной мобилизации масс вокруг лозунгов пролетарской революции”¹¹, дыхание которой ощущали и “левые”, и “правые”.

Среди причин, обусловивших “левизну” многих партий и групп, немаловажное место занимает и влияние русской революции, опыта большевистской партии. Кстати, примерно треть делегатов, имеющих право решающего голоса на конгрессе, представляли Россию. Понятно, что последнее слово всегда было за ними. Но не только делегаты от РКП(б) настойчиво “делились” опытом, зарубежные коммунисты также требовали советов и поддержки, считая русских способными ответить на все спорные вопросы, волнующие Запад. Иной ситуации и быть не могло. Спрос и предложение закономерно нашли друг друга. Естественно, что распространение получил и практический опыт организации коммунистической партии в условиях России. Общая установка при организации партий в конкретных странах базировалась на представлении о том, что не массы должны “вести” партию, которая в свою очередь не должна следовать желаниям масс, но наоборот – партия призвана руководить массами, направлять их, воспитывать и т.п. Таким образом, изначально Коминтерн ставил свои цели выше реальных условий политической борьбы, пытаясь политическими методами “поправить” историю, закономерности которой “освящались” самими классиками марксизма и не отрицались В. Лениным. Логическое следствие этого общего принципа – организационная структура Коминтерна.

Коммунистический Интернационал не может уже существовать за счет общности идей, отмечалось в материалах Второго кон-

¹¹ Второй конгресс Коминтерна. С. 510.

гресса, он должен сложиться теперь как *“сплоченная, централизованная, международная пролетарская организация, которая должна иметь не только совершенно ясную программу, но и совершенно точную тактику и совершенно оформленную отчетливую организацию”*¹².

Оформленность организации предполагала прежде всего жесткий централизм внутри входящих в Интернационал партий. Определение централизма как демократического – сути дела не меняло, ибо любые демократические отступления тут же сопровождались ссылками на возможные исключения ввиду сложности и трудности момента. Например, принцип выборности дополнялся правом кооптации, а власть большинства, определяемого голосованием, сводилась руководящим центром, имеющим возможность в нужный момент принимать принципиальные решения, обязательные для всех членов партии, к голословной констатации. Партийный центр оказывался практически неконтролируемым, так как строгая иерархизация, соподчинение *“в возможно более точной системе”*, не предполагает какого-либо согласования решений сверху вниз, а автономия местных партийных организаций, констатируется в материалах конгресса, *“ослабляет ряды коммунистической партии”*¹³. Для борьбы с нарушающими решения *“руководящего центра”* Коминтерн предлагал самое действенное средство – чистку рядов партии. Такие организационные решения обрекали компартии на сектантство, их социальная база неизбежно должна была сужаться. Процесс этот в период деятельности Коминтерна шел не всегда ровно. Были некоторые всплески популярности коммунистических идей, но тенденция действовала в одном направлении.

Централизм в партиях органично дополнялся централизмом международных структур коммунистического движения. С самого начала Коминтерн строился как единая мировая партия с центром в Москве. Устав Интернационала сразу отдавал *“центру”*, т.е. пар-

¹² Второй конгресс Коминтерна. С. 613.

¹³ См.: Второй конгресс Коминтерна. С.488-489.

тии той страны, где располагался Исполком, более четверти голосов в ИККИ. Партия страны “центра” (ею могла быть только Россия) принимала на себя и “главную часть работы”. Что в этой работе от “великих коммунистических идей”, а что от “большевистского экспансионизма”, сегодня трудно сказать. Очевидно, присутствовала та и другая мотивация. Во всяком случае, можно смело утверждать, во-первых, что деятельность Коминтерна финансировалась московским центром, во-вторых, что влияние русских в Коминтерне было доминирующим, в-третьих, что коммунистическое движение не только использовало Россию в качестве своей организационной базы, но и “работало” на Россию, ее интересы.

Права Исполкома были чрезвычайно широкими. Он не только мог давать “обязательные директивы” партиям, но и требовать исключения групп и лиц, “нарушающих международную дисциплину”. Конгресс, зафиксировав права ИККИ, начал формировать и каналы реализации этих прав. Во-первых, Устав Коминтерна требовал, чтобы все “важнейшие политические сношения” между партиями велись через ИККИ либо о них нужно было незамедлительно сообщать в центр. Тем самым Коминтерн ограничивал международную активность партий. Последствия этого коммунисты чувствовали еще много лет спустя после роспуска Коминтерна. Во-вторых, Устав закреплял за ИККИ право организовывать в различных странах свои технические и иные вспомогательные бюро¹⁴. Заметим, что принятый конгрессом Устав лишь закреплял уже сложившуюся практику диктата центра. К 1920 г. уже действовал, например, так называемый западноевропейский секретариат Коминтерна, бюро ИККИ в некоторых странах. В отчете Исполкома конгрессу было прямо заявлено, что ИККИ “считал для себя не только допустимым, но обязательным “вмешиваться” в работу тех партий, которые принадлежат или хотят принадлежать Коммунистическому Интернационалу”¹⁵. Отчитываясь, Исполком сожалел,

¹⁴ Там же. С. 537-538.

¹⁵ Там же. С. 600.

что “до сих пор удавалось посылать своих представителей в различные страны лишь в очень ограниченном количестве”¹⁶. Создание широкой сети вспомогательных бюро должно было поставить эту практику на прочную организационную основу.

В это время уже полным ходом идет “исправление линии – частью также состава – партий”. “Исправлению” подверглись коммунисты Америки, Германии, Финляндии, других стран. Впрочем, сильно противиться этому они не могли, так как реальных механизмов сопротивления центру не существовало. Коммунистам на выбор предлагались два альтернативных решения: или с Коминтерном – или с социал-демократами, или исправляться – или уходить из организации. Жесткие организационные и политические резолюции конгресса не оставили многим колеблющимся партиям и группам иного решения, кроме как навсегда оставить попытки сближения с Коминтерном. НСДПГ, СФИО, НРП и ряд других партий сразу же после завершения конгресса, пережив организационные потрясения, начали ставить вопрос о “новом” Интернационале, который и был создан в начале 1921 г. в Вене. Оформление международной организации центристов лишь подхлестнуло коммунистов в их стремлении откеститься от своего социал-демократического прошлого. Борьбу с социал-демократией в это время стимулировал процесс образования новых коммунистических партий. Идейная борьба в рамках уже организовавшихся партий имела вторичный характер, заданный противоборством двух политических направлений, суть которых ярко проявилась в так называемых “Открытом письме” ЦК ОКППГ и “теории наступления”. Поддержка Лениным, занимавшим в Коминтерне позицию центра, действий, предложенных в “Открытом письме”, означала некоторую переориентацию в тактике.

Ситуация после Второго конгресса в мире существенно изменилась. Однозначно эти изменения оценить невозможно. С одной стороны, некоторая стабилизация международных отношений, укрепление

¹⁶ Там же. С. 608.

внешнеполитического положения России, успешные военные действия в Монголии и т.п. должны были, как казалось, способствовать развитию интернациональных связей коммунистов, укреплению авторитета Коминтерна. Однако, с другой стороны, к началу 1921 г. отчетливо проявился существенный спад забастовочного движения, внутривнутриполитический кризис потряс советскую систему. Стало ясно, что политика военного коммунизма себя изжила, что компартиям надеяться на скорое революционизирование масс в Европе не приходится. Все это потребовало от Коминтерна, ИККИ новых решений.

Выход из сложной ситуации делегаты Третьего конгресса увидели в тактике, сущность которой была сформулирована в кратком лозунге: “В массы!”. Однако общее признание этой тактики еще не означало, что делегаты конгресса полностью разделяли взгляды Ленина и его сторонников. Скорее наоборот. Ленину пришлось считаться с левыми, что и отразилось в решениях конгресса. Впрочем, внутренняя логика развития Интернационала и не позволяла принимать сколько-нибудь радикальных решений даже тактического характера, корректирующих линию I и II конгрессов. Инерция развития любых организационных структур в полной мере проявила себя в Коминтерне. Свидетельство этому – принятые Третьим конгрессом тезисы об организационном строительстве коммунистических партий, методах и содержании их работы.

Тезисы (проект О. Куусинена, доклад В. Кенена) точно восприняли импульс, заданный Уставом и Условиями приема в Коминтерн, развивая основные идеи этих документов. Однако если Второй конгресс лишь в общем плане зафиксировал основные организационные нормы, то через год в документах Третьего конгресса отчетливо видно стремление к их детализации. Например, в разделе “О пропаганде и агитации” расписывались все должные действия коммунистов в этом направлении вплоть до “домашней агитации в сельских районах”. Тезисы детализировали и основной организационный принцип партийного строительства – централизм, подчеркивая необходимость как можно “большей централизации деятельности партии”. Схематическая, иерархическая систе-

ма “со многими вполне подчиненными друг другу инстанциями”¹⁷ описана в тезисах в мельчайших подробностях и как будто скопирована с организационной структуры РКП(б). Однако на Третьем конгрессе сторонники внутривнутрипартийной централизации столкнулись с неожиданным сопротивлением, которое оказали уже не правые, частично изгнанные, частично ушедшие “без приглашения”, а все более консолидирующиеся левые. Основные претензии левых сводились к двум пунктам. Во-первых, резонно было замечено, что усиление централизации грозит обернуться бюрократизацией руководства партий. Во-вторых, левые начали во всеуслышание обвинять “русский центр” в том, что он предает интересы мировой революции, противопоставляя им выгоды “русской государственной политики”. Такие обвинения потребовали более или менее аргументированного ответа.

В тезисах делегаты признали, что “революционное рабочее движение до известной степени проникается под влиянием буржуазной среды тенденциями формализма и дуализма”¹⁸. Выход, естественно, предлагался отнюдь не на путях демократизации. “Одна формальная демократия не способна устранить в организации ни бюрократических, ни анархических тенденций, которые вырастают в рабочем движении на почве этой самой демократии”¹⁹. Отвергая демократическую реформацию структуры Коминтерна, конгресс увидел решение проблемы на пути “многократных улучшений” и “преобразований”, “упорной политической и организационной работы”, цель которых добиться того, чтобы члены партии почувствовали укрепление и развитие общей деятельности и боевой способности²⁰. Почувствовать же повышение боевой способности, оче-

¹⁷ Коммунистический интернационал в документах. 1919–1932. М. 1933. С. 219.

¹⁸ Коммунистический Интернационал в документах. С. 203. Под “дуализмом” понималась противоположность интересов партийного чиновничества и массы рядовых членов партии.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: Там же.

видно, можно лишь участвуя в “организации политических боев”, тем более что для коммунистов “не может быть такого времени, когда партийная организация не была бы политически активной”²¹. Таким образом, задачи сохранения и развития партийных организаций, преодоления дуализма массы и аппарата вынуждали коммунистов на активные действия, тогда как ситуация, в оценке Ленина и его последователей, требовала быть “осторожнее, *благоразумнее*, оппортунистичнее, “правее””²². Критикуя “левых”, Коминтерн шел за ними! На Третьем конгрессе уже стало ясно, что объективные условия политической борьбы ставят под сомнение возможность существования активно действующих массовых централизованных партий коммунистического направления. Однако основной опорой коммунистического движения все еще оставалась Советская Россия, и “русский вопрос” на конгрессе решился “не в пользу” критиков “московского центра”.

Русский вопрос обсуждался на конгрессе специально. Помимо доклада о тактике РКП(б), заслушанного конгрессом, делегаты сочли необходимым образование специальной комиссии по русскому вопросу. Сомнения делегатов вызвало не только содержание “государственной политики России”, “новой экономической политики”, но и ситуация в РКП(б) в связи с деятельностью “рабочей оппозиции”²³.

Несмотря на резкую критику слева, авторитет РКП(б) остался незыблемым. Русские по-прежнему щедро делились своим опытом, на что, кстати, особое внимание обращал Ленин²⁴. Заметим, что

²¹ См.: Там же. С. 192-194, 212-216.

²² *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.44. С. 456.

²³ Комиссия по жалобе в ИККИ двадцати двух представителей “рабочей оппозиции” была заслушана на Первом расширенном пленуме Исполкома, “серьезно предостерегшем и предупредившем” этих товарищей, что продолжение их деятельности может поставить их вне рядов Третьего Интернационала (См.: Коммунистический Интернационал в документах. С. 276).

²⁴ См. напр.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.44. С. 20-21, 23-33, 57-61 и др.

ссылка на русский опыт очень часто звучала в выступлениях Ленина, многих других делегатов как последний аргумент в теоретических дискуссиях. Ничего удивительного в этом не было. Иной опыт победоносной борьбы коммунистической партии за власть просто отсутствовал. И если в выработке тактики конгресс нашел компромисс с “левыми”, то тезисы об организационном строительстве коммунистических партий были чисто “ленинскими”, буквально пропитанными “русским духом”. Ленин дважды непосредственно перед конгрессом и по его ходу обращается к ним, соглашаясь с основными идеями Куусинена и Кенена. Его принципиальные содержательные замечания сводятся лишь к рекомендациям об усилении параграфов необходимости каждодневной работы для революции любого члена партии, о борьбе со шпионами и об организации в партиях контрольных органов²⁵. Помимо этого Ленин требует максимальной детализации тезисов, предлагая Куусинену даже написать по отдельным вопросам организационного строительства статью в “Коммунистический Интернационал” на основе анализа *русского* и финского опыта²⁶. Вопрос о возможности применения опыта большевиков и унификации на его основе организационного строения коммунистических партий Запада не возникал. Конгресс зафиксировал неизбежность дифференцированного подхода к организации партий, детерминированного динамикой условий классовой борьбы и особенностями каждой конкретной страны. Вместе с тем дифференциация лишь *допускалась*. Господствующей тенденцией продолжала оставаться унификация. “Существующее вопреки всем индивидуальным условиям классовой борьбы пролетариата ... равенство имеет решающее значение для интернационального коммунистического движения, — отмечалось на конгрессе. — Это равенство и служит основой для организации коммунистических партий во всех странах”²⁷.

²⁵ См.: Там же. Т.44. С. 13-15, 56.

²⁶ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.44. С. 15.

²⁷ Коммунистический Интернационал в документах. С. 202.

Примечательно, на наш взгляд, что в своем стремлении к унификации, к “равенству” делегаты конгресса *верно* отразили потребности развития коммунистических партий. Очевидно, что только-только образовавшиеся партии могли выжить, лишь ориентируясь на внешнюю поддержку, на некоторые организационные образцы, на жесткую централизацию, на дисциплину, на унифицирование международных контактов. “Демократический” Коминтерн не просуществовал бы и нескольких месяцев, превратившись в некое “корреспондентское бюро”.

Коммунистические партии, ряд из которых ориентировались главным образом на нелегальную работу, были не в состоянии наладить между собой действенных интернациональных связей на многосторонней основе без помощи сильного центра. Без московской поддержки Коминтерн просто-напросто потерпел бы финансовое фиаско. Коммунистическим партиям приходилось выбирать между русским образцом, диктатом центра, иерархической структурой, “хорошим руководством”, борьбой за массы по общим идеологическим рецептам и закономерным распадом на фракции, финансовым крахом, неизбежным превращением в подпольные секты²⁸.

²⁸ Естественно, что помимо организационных существовали и политические, и идеологические причины, обусловившие построение Коминтерна на принципах “демократического” централизма. Ориентация на мировую революцию, на вооруженные методы борьбы за коммунизм, ставка на международную военную “поддержку” грядущих революций, напряженная внешнеполитическая атмосфера в Европе, продолжающиеся вооруженные конфликты, внутривнутриполитические кризисы в ряде стран – лишь немногие аргументы за организацию “мировой партии нового типа”. Необходимо заметить, что на Третьем конгрессе произошла некоторая корректировка в формулировке целей Коминтерна. Установка на подготовку к мировой революции сохранялась, но сроки ее отдалались. Впервые на конгрессе говорилось о значении “частичной борьбы” и частичных требований, об отношении к средним слоям. В документах, одобренных конгрессом, об отношении к средним слоям. В документах, одобренных конгрессом, подчеркивалась мысль, что “дело не в том, чтобы призвать пролетариат к

Существующие практически во всех крупных партиях центробежные тенденции, проявившиеся на Третьем конгрессе в деятельности “левых”, реализовались в очень незначительной степени. “Левые” течения в молодых коммунистических партиях столкнулись с неразрешимыми для них проблемами организационного характера. С другой стороны, многие политические и организационные “рекомендации”, указания “центра” были для национальных секций Коминтерна также *невыполнимыми*. Однако центристское движение было значительно сильнее влияния “левых” сепаратистов. Отметим, что стремление к консолидации под властью московского центра было зачастую рационально необоснованным. Ленин впоследствии отмечал, что, например, резолюцию об организационном строении коммунистических партий подписали “иностранные товарищи”, не читая и не понимая²⁹. Коммунистические партии различных стран оказались как бы заложниками организационной структуры Коминтерна. Логика же развития Третьего Интернационала и логика развития объективных условий политической деятельности все больше и больше расходились.

Любопытно, что на IV Конгрессе Ленин вновь обращается к анализу организационной резолюции, принятой в 1920 г., отмечая, что выполнить ее коммунистические партии не смогли, причем не потому что резолюция ошибочная. Ленин готов подписаться под всеми ее параграфами³⁰. Ленин специально подчеркивает, что резолюция на сто процентов правильная, несмотря на “русский дух”, которым она насквозь проникнута.

В чем же дело? Возвращаясь к анализу истории Третьего Интернационала, Ленин, на наш взгляд, четко зафиксировал *разнонаправленность* развития Коминтерна, принимающего исходя из ло-

достижению конечных целей, а в том, чтобы призвать практическую борьбу пролетариата, которая одна только в состоянии привести пролетариат к борьбе за конечные цели”. (См.: Коммунистический Интернационал в документах. С. 191.)

²⁹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.45. С. 293.

³⁰ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.45. С. 292.

гики своего развития верные решения (иных и не могло быть!), и реальной политической обстановки. Выход, предлагаемый Лениным, предусматривал, что весьма показательно, в конечном итоге *выполнение* резолюции, что может произойти при изменении политических реалий и полностью зависит от самих коммунистических партий. “Они [иностранцы коммунисты] должны воспринять часть русского опыта. Как это произойдет, я не знаю, – пишет Ленин. – Может быть нам окажут большие услуги, например, фашисты в Италии, тем, что разъяснят итальянцам, что они еще недостаточно просвещены и что их страна еще не гарантирована от черной сотни. Может быть, это будет очень полезно”³¹.

Другими словами, если “иностранцы товарищи” не торопятся организовываться “по Ленину”, как следует, в условиях относительно стабильной политической ситуации, то их заставляют это сделать правые силы, как они заставляют (капповский путч и т.п.) организовываться коммунистов в Германии, успешно вырабатывающих “верную” тактику (“Открытое письмо”) в борьбе с правыми (П. Леви и его сторонники) и левыми (КРПГ).

Однако надеяться на фашизм в ряде стран не приходится, поэтому коммунисты должны укреплять и совершенствовать свою организацию в любых условиях, так как сплоченная партия “нового типа” – действенное средство подготовки мировых перемен, залог победоносной мировой революции³². Причем если формы, методы, тактика революционных действий, по Ленину, впрочем, как и “по Коминтерну”, в зависимости от национальной специфики могут изменяться в определенных рамках, то организационные принципы *универсальны* и их вариации затрагивают лишь неприципиальные стороны деятельности партий. Когда Ленин утверждает, что принятие организационной резолюции было ошибкой, отрезавшей путь к дальнейшему успеху³³, то винит он в этом русских

³¹ Там же.

³² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.45. С. 292-294.

³³ Там же. С. 292.

большевиков, не сумевших объяснить соратникам из-за границы, как применять русский опыт, и западных коммунистов, не научивших воспринимать этот опыт. Отсюда выводы: они должны “действительно постигнуть организацию, построение, метод и содержание революционной работы”, а “мы, русские, должны тоже искать путей к разъяснению иностранцам основ этой революции”³⁴.

В этих выводах, на наш взгляд, Ленин был абсолютно прав. Действительно, любые организационные нормы неизмеримо универсальнее, устойчивее норм, регулирующих конкретные действия политических субъектов. Поэтому выбор Ленина в пользу ожидания новой ситуации, в пользу изменения тактики, в пользу корректировки целей Коминтерна закономерен и обоснован. Логика развития Коминтерна, по Ленину, оказалась логикой *интеллектуального* взросления коммунистических партий. И разрыв между политическими реалиями и торопливыми фантазиями “молодых” коммунистов казался Ленину просто преодолимым путем всеобщей “учебы” и накопления политической мудрости. В этом случае универсальная централизованная организационная структура Интернационала должна была стать гарантом теоретической эволюции в “правильном” направлении. На практике все оказалось наоборот. Дело в том, что теоретическое переосмысление политической ситуации, изменение тактики были невозможными без организационных новаций, которые в свою очередь могли привести к распаду Коминтерна и краху коммунистических партий в отдельных странах.

На Третьем конгрессе Ленин, по его же признанию, стоял на крайне правом фланге, предупреждая о недопустимости превращения борьбы с центризмом в спорт³⁵. С чем это было связано? Только ли с его оценкой проблем и перспектив развития мирового коммунистического движения? Очевидно, Ленин принимал в расчет и интересы государственной политики России. В этом отношении не

³⁴ Там же. С. 293-294.

³⁵ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.44. С. 96.

увидеть связи между конференцией трех Интернационалов и международной конференцией в Генуе невозможно. Совпадают не только даты начала этих конференций³⁶, но и явно прослеживается связь между датой окончания Генуэзской конференции и сворачиванием подготовки к Всемирному конгрессу. На мысль о “русской” подоплеке решений Коминтерна, принятых в связи с конференцией трех Интернационалов, наталкивают и другие факты. Действительно, Ленин писал, что конференцию из-за ее состава недопустимо рвать сразу; “вообще не рвать, не запросив Москвы, если не будет сверхподлости, абсолютно нетерпимой”³⁷.

Но совершенно ясно, что Ленин предполагал возможность такого разрыва, согласованного с Москвой. Более того, Ленин прямо призывал не только к сдержанности, но и к “самой беспощадной борьбе” одновременно³⁸, заявляя, что целью совещания о едином фронте было не просто достижение “возможного практического единства в непосредственном действии масс, но и разоблачение политических позиций Второго и Венского Интернационалов”³⁹. “Компромисс” Ленина изначально предусматривал свержение вождей двух Интернационалов⁴⁰. Наконец, если Берлинской конференции придавалось действительно большое значение, то почему в качестве представителя Коминтерна, выступившего там с изложением позиции Третьего Интернационала, был послан Радек, по

³⁶ Конференция в Генуе началась 10 апреля 1922 г., а представители Исполкомов трех Интернационалов собрались в Берлине 2 апреля. При чем делегации ИККИ было поручено договориться о проведении Всемирного конгресса желательно еще в апреле в Генуе с целью противопоставить “единый фронт” рабочих фронту капиталистических государств.

³⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.45. С. 42.

³⁸ См.: Там же. С. 50.

³⁹ См.: Там же. Т.44. С. 378.

⁴⁰ См.: Там же. С. 405.

признанию Ленина, совершенно не обладающий способностями к дипломатии⁴¹? А что же Ленин понимал под “сверхподлостью”?

После принятия декларации Берлинской конференции Ленин заявил, что даже те уступки, которые были сделаны представителями ИККИ (разрешение присутствовать адвокатам из-за границы на процессе эсеров и обещание не выносить смертных приговоров по этому делу), были слишком дорогой ценой за соглашение о совместных действиях, намерениях созвать Всемирный конгресс⁴². Сверхподлость оказалась нормальными цивилизованными требованиями, признаваемыми всеми, за исключением, пожалуй, только коммунистов и их сторонников. Понятно, что в условиях такого взаимного непонимания продолжение контактов было невозможным.

Что же показала Конференция? Во-первых, выяснилась суть “крайне правой” позиции сторонников Ленина⁴³. Шаг вправо оказался лишь тактическим решением, принятым в конкретной ситуации, Ленин уже в феврале 1922 г. признал, что его защита П. Леви на Третьем конгрессе была ошибкой, продиктованной чрезмерной

⁴¹ См.: Там же. Т.45. С. 50. Радек полностью оправдал “надежды” Ленина. В первый же день конференции выступление Радека поставило под сомнение возможность продолжения форума. На конференции был сделан вынужденный перерыв на сутки, и второй день был потрачен на улаживание конфликта, сглаженного благодаря усилиям представителей Венского Интернационала.

⁴² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.45. С. 140-144.

⁴³ В этой части работы мы ограничиваемся анализом взглядов Ленина по двум причинам. Во-первых, на наш взгляд, на конгрессах, вплоть до Четвертого, доминировала позиция сторонников Ленина. Во всяком случае, это однозначно прослеживается по документам, хотя, безусловно, ситуации, в которых слово и дело у Коминтерна расходились, были не столь уж и редкими. Во-вторых, дискуссии в Коминтерне в это время были *непринципиальны* для его развития, перипетии которого гораздо в большей степени определялись положением в России, и в частности в РКП(б), где практически всегда мнение Ленина оказывалось решающим.

осторожностью⁴⁴. А сразу же после подписания документов Берлинской конференции Ленин требует особое внимание обратить на разоблачение политики II и III Интернационалов⁴⁵. Активизация борьбы с “левыми”, корректировка тактики были детерминированы не только и не столько изменившейся ситуацией в развитых странах, сколько интересами внутренней и внешней политики России. Во-вторых, конференция показала, что Коминтерн стал полностью зависим от России. Принципиальные проблемы мирового коммунистического движения решались только после согласования с руководством РКП(б). В-третьих, стало ясно, что ориентация Коминтерна на Москву “работает” на авторитет коммунистических партий уже не столь однозначно. Оказалось, что требование защищать русскую революцию уже не встречает в массах взрыва единодушного энтузиазма, хотя, заметим, “русская карта” в коммунистическом движении разыгрывалась и в будущем неоднократно. В-четвертых, стало очевидным, что организационная структура Коминтерна – сильнейшее препятствие для установления практических контактов с представителями II и III Интернационалов. Стремление коммунистов создавать свои ячейки повсюду, несмотря ни на что, вызвало резкий отпор как “правых” социал-демократов, так и “центристов”. Не случайно одним из условий совместной работы, выдвигавшимся ими на Берлинском конгрессе, было предоставление гарантий против попыток создания коммунистических ячеек в профсоюзах. Обнаружилась, таким образом, не только идеологическая и политическая несовместимость трех Интернационалов, но и организационная. Партия, чья организационная структура была ориентирована на парламентскую деятельность, и партиям “нового типа” было весьма сложно находить пути взаимного сближения для осуществления практической деятельности.

В это же время между всемирными конгрессами продолжалось и исправление линий различных партий. Роль “абсолютного

⁴⁴ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.44. С. 419-423.

⁴⁵ См.: Там же. Т.45. С. 140-146, 149-151.

арбитра” взяли на себя расширенные пленумы ИККИ. И на Первом (21.02–4.03.1923 г.), и на Втором (7–11.06.1922 г.) расширенных пленумах борьба опять развернулась на два фронта: клеймили реформистов, пацифистов и “им подобных”, “леваков” предостерегали. Обращает на себя внимание значительный вес организационных рекомендаций в постановлениях, касающихся различных партий. Резолюции по русскому, французскому, чехословацкому вопросам имели чисто организационный характер. Организационные вопросы затрагивались в решениях об английской и норвежской партиях. Какие же организационные просчеты, по мнению участников пленумов, были допущены партиями?

Во-первых, в КПФ (Франция) некоторые коммунисты позволили себе бороться против “действительно централизованного партийного руководства”. Недостаточно эффективно была налажена работа “центра” Коммунистической партии Чехословакии. Во-вторых, в КПФ возникла реальная угроза фракционной борьбы. В-четвертых, французские и чехословацкие коммунисты, как, впрочем, и некоторые представители РКП(б), неверно трактовали соотношение партии и профсоюзов, не понимали значения организационной работы в профсоюзах. В-пятых, среди французских коммунистов выявилось стремление “заменить международную дисциплину борьбы платонической федерацией национальных партий”⁴⁶ и т.д. и т.п. О чем же свидетельствует столь большое внимание к организационным вопросам? Что же предлагал ИККИ коммунистическим партиям?

Ответы очевидны. Трудности практической работы, с которыми столкнулись коммунисты абсолютно во всех странах после того, как их ожидания революционных перемен не оправдались, естественно, потребовали организационных перемен. Но так как “либерализация” структуры была невозможна (под угрозой распада и национальных партий, и Коминтерна), то выход обнаружился в ее ужесточении. Причем чем значительнее были трудности политической деятельности для партий, тем более жесткие решения при-

⁴⁶ См.: Коммунистический Интернационал в документах. С. 275-292.

нимал Исполком. Тенденция к “ужесточению” требований, предъявляемых к коммунистическим партиям ИККИ, прослеживается и в принятых Четвертым конгрессом политических решениях.

Коминтерн к своему Четвертому всемирному форуму подошел организационно более единым, инакомыслие изживалось довольно быстрыми темпами. Сказалось это и на численности ведущих коммунистических партий. Количество состоящих в них коммунистов со времени Третьего конгресса значительно сократилось. Не отреагировать на это делегаты не могли. Конгресс принципиально одобрил тактику единого фронта, поддержал лозунги рабочего правительства, единого рабочего и антиимпериалистического фронтов, принял другие решения, свидетельствующие, казалось бы, о коренном изменении тактики и стратегии Коминтерна. Однако за внешним признанием необходимости совместных действий с “заблуждающимися” социал-демократическими рабочими за “бесспорные” частичные требования крылось фактически противоположное стремление. В этой связи отметим, что на конгрессе высоко оценивались перспективы революционных изменений, была усилена критика социал-демократии, а при выяснении возможностей совместных действий акцент ставился на сотрудничество “снизу”. Неизменным осталось отношение Коминтерна к России, рассматриваемой как база мировой революции. На Четвертом конгрессе только более жестко подчеркивалось, что мировой пролетариат должен “выполнить свой долг”, помочь Советской России⁴⁷. Наконец, особое внимание конгресс обратил на движение фабрично-заводских комитетов, которые, заметим, сыграют большую роль в германских событиях 1923 г., и международную дисциплину.

Принятые организационные решения в целом оставались в русле общих тенденций развития Коминтерна. Определенное исключение составляет “Организационная резолюция по французскому вопросу”. Особенность этой резолюции состоит не в том, что конгресс взял на себя персональное утверждение центральных ор-

⁴⁷ См.: Коммунистический Интернационал в документах. С. 325-328.

ганов партии, а в том, что в виде исключения руководство КПФ формировалось по принципу пропорционального представительства от различных фракций. Однако этот компромисс был допущен отнюдь не по отношению к “правому” крылу партии, а по отношению к центру, обвинявшемуся в склонности к реформизму. Стремление не допустить раскола в партии (между левыми и центром!) и заставило принять резолюцию, фактически легализующую фракции в КПФ на период достижения единства.

В резолюциях, касающихся КПФ, прозвучала еще одна показательно громкая нота, ранее слабо акцентированная. Речь идет о рекомендации французским товарищам обратить внимание на классовый состав партии, нуждающейся в очистке от элементов, “связанных по всему укладу своей мысли и жизни с нравами и обычаями буржуазного общества и не способных ни понять подлинно-пролетарскую политику, ни подчиниться революционной дисциплине”⁴⁸. Конгресс имел в виду “столь многочисленных во Франции интеллигентов”, мешающих партии “завоевать доверие рабочего класса”⁴⁹. Тем самым фактически были открыты все шлюзы для чистки партии по социально-классовому признаку.

Как видим, Коминтерн явно “полевел”. Это отразилось и на результатах выборов его центральных органов. В частности, в Президиум ИККИ вошли придерживающиеся (в сравнении с позицией, занимаемой Лениным) “левых” взглядов Н.И. Бухарин, К.Б. Радек и др. Г.Е. Зиновьев, возглавлявший ИККИ, также не был свободен от “левых заблуждений”. Третий расширенный пленум еще более упрочил положение “левых”: “центрист” Фроссар был заменен “левым” Сувариним, а Дженнари – бывшего секретаря социалистической партии – сменил Бордига, проявивший себя во время кризиса в Италии в период активизации фашистов как крайне “левый”.

Четвертый конгресс показал, что партии, входящие в Коминтерн, уже вышли из периода “детства”, приобрели опыт политиче-

⁴⁸ Там же. С. 344.

⁴⁹ См.: Там же.

ской деятельности, в борьбе с различными “уклонами” определились с идеологическими ориентациями и, наконец, оформились организационно. Время (а с момента основания Третьего Интернационала прошло уже почти четыре года) не только не излечило Коминтерн, но наоборот, способствовало развитию болезни. Точнее, оказалось, что *“болезнь левизны” – неотъемлемое качество здорового организма Коминтерна*. Начиная с Четвертого конгресса, в коммунистических партиях стала разворачиваться борьба не только с “лжекоммунистами”, не оставившими еще своих парламентских иллюзий, но и с сторонниками относительно умеренной линии. Победа над самыми “правыми” коммунистами неизбежно привела к борьбе с “умеренно правыми”, затем с центристами и т.д. Логика развития Коминтерна требовала все большего его полевления. Эта эволюция сопровождалась дальнейшей централизацией и “русификацией” Коминтерна⁵⁰, уже не нуждающегося в ежегодных, регулярных всемирных форумах. Их функции во многом взяли на себя опирающиеся на большевиков центральные органы (ИККИ, Президиум ИККИ).

В этот период, хотя численность коммунистических партий повсеместно сокращалась, центральный аппарат все более разрастался, постоянно создавались новые руководящие структуры. Четвертый конгресс даже специально обсуждал вопрос о реорганизации ИККИ и его дальнейшей работе. В резолюции же по вопросу об отчете ИККИ Четвертый конгресс подтвердил права Исполкома исключать отдельных лиц и целые группы из Коминтерна, следовательно, и из национальных партий, если “соответственная национальная партия, в лице своих руководящих органов, не проявляет необходимой энергии и бдительности в деле охраны состава

⁵⁰ Внутрипартийная борьба в РКП(б) все больше сказывалась на политике Коминтерна. На Четвертом конгрессе эта борьба проявилась при обсуждении доклада Бухарина по программному вопросу. Заметим, что из примерно 340 делегатов, участвующих в конгрессе с правом решающего голоса, 75 были представителями России.

партии от некоммунистических элементов”⁵¹. Подтверждалось и право ИККИ на *тактическое* руководство Коминтерном и его секциями, причем тактические решения объявлялись безусловно обязательными для национальных партий⁵².

С другой стороны, проявлялись в Коминтерне и противоположные централизации тенденции. Причем за ними стояли не только некоторые “левые” группы, но и практическая целесообразность и здравый смысл. Политические события 1923 г. заставили руководство Коминтерна активно налаживать двусторонние и многосторонние контакты между партиями, а не замыкать любые межпартийные связи на центральное руководство. Например, франко-германский конфликт поставил коммунистические партии этих стран перед необходимостью оперативного согласования действий, выработки совместной политики с бельгийцами, чехами, партиями других стран, чьи интересы были затронуты. Возникла потребность и передачи оперативного руководства в национальные партии.

Идеологические и политические стереотипы, навязываемые центральным руководством, в условиях ряда стран продемонстрировали свою несостоятельность. В частности так случилось в Италии, где осенью 1922 г. Муссолини стал главой правительства и где коммунисты были в большей степени увлечены внутренней борьбой, чем организацией реального противостояния фашизму.

Несмотря на то, что в ряде партий появились силы, осознающие губительность политики Коминтерна для самого Коминтерна, неперспективность тактики Интернационала в новых условиях политической борьбы (например, Грамши и его сторонники в Италии), общая тенденция оставалась прежней. Полевение Коминтерна продолжалось, хотя некоторые решения и Четвертого конгресса, и Третьего расширенного пленума (июнь 1923 г.) призывали к уме-

⁵¹ IV Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала, 5 ноября – 3 декабря 1922 г. Избранные доклады, речи и резолюции. М.; Пг. 1923. С. 400.

⁵² См.: Там же. С. 399.

ренности левые фракции и течения в разных коммунистических партиях (Италия, Дания и др.)⁵³.

“Левизна” проявилась и в дальнейшем обострении отношений с социал-демократами. В отличие от борющихся с “уклонистами” коммунистов социал-демократы в мае 1923 г. объединились в Рабочий Социалистический Интернационал. Это – объединение – во многом результат политики Коминтерна, не делающего принципиальных различий между II и III Интернационалами. Контакты между коммунистами и социал-демократами, которые и в “тяжелое” время “русского конфликта”, “фашизации” Италии, восстания в Болгарии и т.д. были весьма и весьма неустойчивыми, практически совсем прервались. Ужесточились оценки социал-демократии даже со стороны склонявшегося к “умеренности” Зиновьева. Впрочем, свои позиции в Коминтерне Зиновьев, подвергавшийся критике со стороны самых различных течений, претендующих на непогрешимость и ленинское наследство, постепенно утрачивал. Силу набирали Бухарин, Сталин, Мануильский, Лозовский, Пятницкий, их единомышленники. Итак, несмотря на критику “левачества” по некоторым вопросам (прежде всего их отношения к “русской государственной политике” и “руководящим указаниям центра”), Коминтерн продолжал свое закономерное движение влево.

Делегаты Пятого конгресса не испытывали давления ленинского авторитета, что не замедлило сказаться на принятых решениях. Впрочем, после смерти Ленина “русский вопрос” уже не просто оказывал решающее влияние на ситуацию в Коминтерне, но прямо определял ее. Российская делегация на Пятом конгрессе владела примерно третью всех мандатов, дающих право решающего голоса⁵⁴. Естественно, что делегаты от РКП(б), придерживающиеся различных взглядов, не могли не искать поддержки у международного

⁵³ См.: Коммунистический Интернационал в документах. С.383-390 и др.

⁵⁴ См.: V Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 17 июня – 8 июля 1924 г. Стенографический отчет. Часть 2 (Приложение). М.; Л., 1925. С.235-236, 239-246.

товарищества коммунистов. Внутрипартийная борьба в РКП(б) автоматически переносилась на ИККИ и в Коминтерн. Однако весьма разветвленные организационные связи между ЦК РКП(б) и ИККИ, авторитет руководства РКП(б), правда, в значительной мере подорванный в глазах даже многих коммунистов, но по-прежнему базирующийся на авторитете Октября и Ленина, централизованная структура Коминтерна, требующая военной дисциплины, пятилетняя селекция в коммунистических партиях неизбежно обрекали любую оппозицию на поражение. Так, борьба с троцкизмом в РКП(б) уже на Пятом конгрессе привела к “разоблачению” зарубежных троцкистов. Исключенному из Коминтерна Суварину, в частности, ставилось в вину “опубликование без ведома руководящих партийных инстанций перевода брошюры тов. Троцкого “Новый курс””⁵⁵. В этом же постановлении по делу Суварина французской компартии указывалось на необходимость развернуть борьбу с “уклонистами”, энергично пресекать всякое серьезное нарушение партийной дисциплины и “всякую личную политику”⁵⁶.

Правые уклоны были найдены и исправлялись в партиях многих стран (Швеции, Англии, Польши, США, Чехословакии, Германии и т.д.). “Левых” критиковали гораздо меньше. Наиболее серьезной критике подверглась Итальянская компартия. Слишком уж очевидны были ошибки и непоправимы их последствия. Однако несмотря на критику Бордиги и его сторонников, принятые решения о фашизме были явно “в их пользу”. Коминтерн заявил, что итальянский фашизм потерял свою социальную базу, приняв форму вооруженной, но изолированной в стране, силы, что кризис фашизма – свершившийся факт⁵⁷. На Пятом конгрессе коммунисты больше были заняты очередной “переорганизацией”, чем поиском реальных путей противостояния фашизму. Не случайно этот Всемирный форум вошел в историю под флагом “большевизации” коммунистических партий.

⁵⁵ Там же. С. 181.

⁵⁶ См.: V Всемирный конгресс ... С. 182.

⁵⁷ См.: Там же. С. 121-122, 167-173.

Ситуация в мире в это время стабилизировалась. Общая тенденция к преодолению последствий кризисных событий минувшего десятилетия проявлялась все более отчетливо. Коминтерн вынужден был зафиксировать эти процессы хотя бы потому, что численность компартий (за редким исключением) продолжала снижаться⁵⁸. Мир вступил, по мнению делегатов конгресса, в “демократическо-пацифистскую” полосу развития, являющуюся “одной из последних фаз капитализма”⁵⁹. Такая постановка вопроса обусловила сохранение в повестке дня Коминтерна “проблемы власти” и изменение отношения к “частным требованиям”. Например, лозунг “рабоче-крестьянское правительство” утратил в трактовке Пятого конгресса значение переходности. Отказываясь от традиции Третьего и Четвертого, Пятый конгресс отмечал, что формула этого лозунга, “родившаяся из опыта русской революции, ничем другим не была и не может быть, как методом агитации и мобилизации масс за революционное низвержение буржуазии и создание советского строя”⁶⁰. Рабоче-крестьянское правительство оказалось тождественно диктатуре пролетариата.

Ужесточение идеологических и политических стандартов естественно сопровождалось соответствующими организационными решениями, основа которых – “большевизация”, т.е. перенесение в секции Коминтерна того, “что в русском большевизме было и есть международного, общезначимого”⁶¹. Естественно, в постановлении подчеркивалось что механическое перенесение опыта России недопустимо⁶², но опыт перенимать опять-таки предлагалось *русский*, часто абсолютно негодный ни для европейских партий, ни для революционеров Востока. Что же Коминтерн отнес к разряду “общезначимого” в опыте большевиков? Перечисляемые в “Тезисах по вопросам тактики” обязательные нормы, выполнение которых и

⁵⁸ См.: V Всемирный конгресс ... С. 298-299.

⁵⁹ См.: Там же. С. 25-34.

⁶⁰ См.: Там же. Ч. 2. С. 45.

⁶¹ Там же. С. 48.

⁶² См.: Там же. С. 47.

позволяет партиям считаться большевистскими, достаточно традиционны для Коминтерна: массовость, сочетание легальной и нелегальной работы, маневренность, тактическая гибкость, революционность, “марксистскость”, централизованность, монолитность, обязательность работы в армии и т.п.⁶³ Основные акценты в “большевизации” партий ставились, во-первых, на требовании борьбы с фракционностью за единство партии, ее идеологическую чистоту; во-вторых, на необходимости усиления централизма в партиях и Коминтерне. Такая акцентировка закономерна и вытекает из всей логики развития организации Третьего Интернационала.

На конгрессе идея “большевизации” была заявлена и подробно не разворачивалась. Эта задача была отложена на следующий пленум ИККИ, так как оппозиция новым веяниям на конгрессе была все еще довольно сильной. Однако на конгрессе все же была принята принципиальная развернутая резолюция по вопросу о перестройке партий на основе производственных ячеек. Проводя такую реорганизацию, Коминтерн полностью отказался от практики цивилизованной парламентской деятельности в пользу “революционного парламентаризма”, изменял и “улучшал” социальный состав партий в сторону большего представительства рабочих, планировал взятие предприятий под контроль партийных ячеек и, наконец, существенно ограничивал возможность контроля со стороны партийных низов политических решений центральных органов партий. Заметим также, что “большевизация” национальных партий рассматривалась конгрессом как необходимое условие создания единой *мировой* партийной организации. Этим решением закладывались и основы механизма *полного* контроля над коммунистическим движением со стороны руководства РКП(б) и Советского государства через их влияние на ИККИ и аппарат национальных партий. В этом же направлении “совершенствовался” и Устав Коминтерна.

⁶³ См.: Там же. С. 47-48.

Принятая новая редакция Устава Коминтерна, закрепляя принятые ранее решения и развивая их, расширяла права ИККИ. Более редкими становились всемирные конгрессы. Они должны были созываться раз в два года (ранее – ежегодно). Возможность созыва чрезвычайного конгресса была вообще сведена к нулю, так как для этого нужна была инициатива партий, имеющих “на последнем конгрессе Коминтерна не менее половины решающих голосов”⁶⁴, треть из которых, повторим, принадлежала РКП(б). В новой редакции Устава подчеркивалось право ИККИ на осуществление *кадровой* политики в национальных партиях. Одна из норм Устава гласила, что “всякий руководящий пост в компартии принадлежит не обладателю соответствующего мандата, а КИ”⁶⁵. Особое внимание обращалось на права уполномоченных ИККИ, призванных “следить за выполнением постановлений конгрессов и постановлений ИККИ”⁶⁶. Даже все партсъезды могли проводиться только с согласия Исполкома.

Рост прав Исполкома вынудил конгресс поставить и вопрос о контрольных органах, но созданная Интернациональная контрольная комиссия (ИКК) оказалась лишь придатком ИККИ. ИКК не могла вмешиваться в политические дела (что до некоторой степени естественно) и организационно-административные конфликты, что низводило комиссию до роли совещательного органа при Исполкоме. Никаких самостоятельных решений ИКК принимать фактически не могла. Добавим, что Коминтерн, пытаясь преодолеть изолированность коммунистических партий, оставшихся практически без политических союзников, активно продолжал создавать и укреплять “карманные” международные организации (Красный Спортинтерн, МОПР, КИМ и др.).

Пятый конгресс Коминтерна подвел итоги целого этапа в развитии мировой коммунистической организации и положил на-

⁶⁴ V Всемирный конгресс ... Ч. 2. С. 90.

⁶⁵ Там же. С. 92.

⁶⁶ Там же.

чало новому. Умение Ленина реагировать более или менее адекватно на изменения политической ситуации, сказывающееся на политике Коминтерна, было полностью утрачено его последователями в самое короткое время. Однако основные идеи вождя мировой революции были подхвачены, и в соответствии с ними эволюционировал и Коминтерн. С самого своего рождения Коминтерн начал демонстрировать характер, оказавшись весьма непослушным ребенком, который не признавал ни реалий объективного мира, ни увещаний родителей. Гены Коминтерна изначально были поражены. А к 1924 г. Коминтерн выглядел уже не капризным шалуном, а неким самопожирающим монстром.

Четыре года, прошедшие между двумя конгрессами, не принесли ничего неожиданного. Все это время политику Коминтерна определял импульс, заданный решениями Пятого конгресса и Четвертого расширенного пленума ИККИ. Так называемый “левый поворот” в политике Третьего Интернационала (1926–1927 гг.) был фактически запрограммирован резолюциями 1924 г. о большевизации коммунистических партий, о реорганизации партий на основе фабрично-заводских ячеек, о рабоче-крестьянском правительстве и др. Однако в этот период набирают силу весьма неприятные для руководства Коминтерна тенденции, зародившиеся ранее и свидетельствующие о глубоком внутреннем кризисе, казалось бы, весьма дееспособной организации.

На Пятом расширенном пленуме (март-апрель 1925 г.) были детализированы решения о большевизации партий. Пленум подчеркнул, что большевизация – не разовая кампания, но длительный процесс реорганизации всей деятельности партий, приобретающий особую значимость в условиях “затяжного” периода развития мировой революции⁶⁷. Под флагом “большевизации” Пятый пленум продолжил активную борьбу с оппозицией, с различными “уклонами”. Оказалось, что в “большевизации” нуждается и “самая большевистская” партия – РКП(б). Пленум санкционировал раз-

⁶⁷ См.: Коммунистический Интернационал в документах. С. 475.

гром и ликвидацию троцкизма, для чего РКП(б) рекомендовалось проводить “верную” политику по обеспечению руководящей роли партии в государственном аппарате и хозяйственных органах.

Пленум 1925 г. и последующие не только стимулировали борьбу с троцкизмом, но и с многими иными течениями и группами. Значительный резонанс в Коминтерне получили дела Бордиги, Суварина, Маслова-Рут Фишер и др. Фактически в этот период в Интернационале беспощадно критиковали и правых, и левых, и несогласных с решениями центра, и просто имеющих свое мнение. Любое отклонение от нормы считалось непозволительным с позиций “большевизации” и так называемого демократического централизма. Руководству Коминтерна были практически безразличны основания разногласий в национальных партиях, важен был сам факт разномыслия и разнодействия. Предпочтение в решении теоретических споров отдавалось организационным мерам. Именно исходя из этого нужно оценивать включение Пятым Пленумом в резолюцию о большевизации раздела “Марксизм и ленинизм”, в котором была сделана попытка сформулировать некоторые теоретические стандарты, следование которым обязательно для всех коммунистов, а отступление от них, соответственно, делает необходимым принятие организационных решений. Стремление добиться полного единства способствовало тому, что численность коммунистических партий сократилась в период между двумя конгрессами примерно в два раза.

За четыре года процесс централизации Коминтерна достиг апогея. Образованный ИККИ Орготдел широко развернул свою деятельность. Им было проведено два Организационных совещания, выработан *примерный устав для коммунистических партий* (предел достигнут!), организована учеба практикантов из различных стран при ИККИ, активизирован институт инструкторов и т.д. и т.п. Шестой пленум ИККИ, утверждая итоги II Организационного совещания, признал необходимость развития низового партийного аппарата, который должен функционировать на профессиональной основе, возглавляться платными секретарями. Централь-

ному же партийному аппарату по плану очередной реорганизации отводилась роль директивного органа, который должен прекратить практику “работы за всю партию” и сократить свою численность. Любопытно, что этот чисто бюрократический ход перераспределения должностей был сделан под лозунгами борьбы с бюрократизмом. Действительно, ИККИ не мог не заметить, что эффективность принимаемых им решений постоянно снижается, несмотря на самые жесткие организационные меры. Уже в 1925 г. ИККИ констатировал, что “в настоящее время некоторые секции Коммунистического Интернационала имеют партийный аппарат непомерно громоздкий, непропорционально большой и потому зачастую бюрократический”⁶⁸. Перед Шестым конгрессом оргбюро в своем отчете поставило вопрос еще более конкретно, отметив, что для коммунистических партий характерна “чрезмерная централизация со стороны ЦК (...), парализующая самостоятельность и инициативу местных организаций”⁶⁹.

В рассматриваемое четырехлетие в Коминтерне отчетливо проявилось стремление некоторых коммунистических партий, действующих вопреки указаниям ИККИ и его подразделений, к самостоятельности. Это стремление – не столько проявление зрелости коммунистических партий, осознавших необходимость ломки навязываемых стереотипов организационного строения и политической деятельности, сколько результат безуспешных попыток реализовать решения московского центра. “Отлаженная” система, которая должна была автоматически адекватно реагировать на любое указание, идущее сверху, оказалась абсолютно нежизнеспособной при столкновении с политической реальностью, не признающей ни схем, ни идеальных организаций. Коминтерн, постепенно превратившись в такую “идеальную” организацию, не желал, да и не мог, “подстраиваться” под реалии объективного мира, предпочитая

⁶⁸ Там же. С. 494.

⁶⁹ Коммунистический Интернационал перед VI Всемирным конгрессом. Обзор деятельности ИККИ и секций Коминтерна между V и VI конгрессами. М.; Л., 1928. С. 31.

дальнейшее “самосовершенствование”. Например, реорганизация партий на основе производственных ячеек так и не смогла осуществиться в целом ряде стран. “Лидером” в этом отношении стала КПФ, в которой были лишь созданы предпосылки для такой реорганизации. В Германии партия наоборот к 1928 г. в основном завершила, по признанию Орготдела, переход к новой структуре. Оценка ИККИ была соответственной: резкая критика и новые рекомендации для КПФ, призывы к дальнейшему совершенствованию и сдержанные похвалы для КПГ. Активизация фашизма заставила переоценить достижения КПГ и непослушание КПФ, но до этой переоценки было еще несколько лет. Однако уже в середине двадцатых у Коминтерна было достаточно фактов для переосмысления своей деятельности.

Был уже негативный опыт Италии, и тактику Бордиги пришлось осудить. Коминтерн провалился и в Португалии. Образовавшаяся в 1921 г. Португальская коммунистическая партия не смогла организовать свою работу в изменившихся в середине двадцатых условиях, не смогла адекватно отреагировать на приход к власти фашистов и в 1926 г. прекратила свое существование. Нелегко складывалась судьба партий и в других странах. Несмотря на негативную практику, Коминтерн не изменил своей линии (это было невозможно!) и все больше замыкался в своих внутренних проблемах, лишь поливая грязью своих критиков и отвергая конструктивный диалог.

Критиковали Коминтерн не только явные “враги” (типа социал-демократов), но и члены Интернационала. Для ИККИ это не было большим секретом. На Шестом расширенном пленуме в постановлении по французскому вопросу даже обширно цитировались статьи из коммунистических газет, где звучали обвинения ИККИ в аморализме, неспособности к руководству движением, русских большевиков в репрессиях, приверженности к формам власти времен гражданской войны, языческой канонизации Ленина, “фабрикации новых героев”, приходе к власти недемократическим путем, стремлении любым способом “продлить свое жалкое суще-

ствование” и т.д. Обвинения справедливые и обоснованные. Правы были французские коммунисты – от эпохи, последовавшей за смертью Ленина, ничего не осталось, кроме развалин⁷⁰. “Истинные” коммунисты, стоящие за этими статьями, еще разделяли идеалы мировой революции, испытывали ностальгию по “ленинским” временам в Коминтерне. Коминтерн же уже не нуждался в борцах за идеалы, время неопытных фанатиков, с которых начинался Интернационал, прошло. Лишними в Коминтерне стали прагматики, пытающиеся использовать немногочисленные уже выступления революционных рабочих для осуществления “великих” целей. За “излишний” прагматизм, проявленный в германских событиях 1923 г., пострадал Радек, некоторые лидеры КПП, выгнанные из Коминтерна. Социалистический, советский экспансионизм все более доминировал в Интернационале над идеями мировой революции.

Сменилось руководство Коминтерна. С уходом Зиновьева (после разгрома так называемой “новой оппозиции”) был упразднен пост Председателя Исполкома. Образованный коллегиальный руководящий орган – Политсекретариат – практически возглавил Бухарин. Однако к 1928 г. его разногласия со Сталиным достигли критической отметки и положение в Коминтерне оказалось существенно подорванным, хотя Программа Коминтерна, представленная VI конгрессу, отражала прежде всего его взгляды.

Шестой Всемирный конгресс поставил логическую точку в организационном развитии Коминтерна. Наконец Интернационал, до сих пор не имеющий своей программы, получил ее. Но никакие ни теоретические, ни организационные новации не могли реанимировать умирающий в судорогах Коммунистический Интернационал. Впрочем, новаций было немного. Практически все идеи Программы были “обкатаны” на IV и V конгрессах⁷¹. Принципиально новых организационных решений также не было предложено.

⁷⁰ См.: Коммунистический Интернационал в документах. С.601-607.

⁷¹ Мы не будем подробно анализировать Программу Коминтерна в этой статье, так как основные положения ее довольно детально рассматривались во многих научных исследованиях, гораздо более объемных.

Принятый Устав фактически лишь повторил сказанное на Пятом конгрессе. Коминтерн уже не нуждался в официальной корректировке уставных положений. Здесь уже довольно длительное время действовали неписанные законы. Закрепленные в Уставе нормы ИККИ мог трактовать произвольно, а иногда и прямо нарушать их. Например, никто уже и не думал соблюдать периодичность созыва всемирных конгрессов⁷². По-прежнему Коминтерн боролся с “уклонистами всех сортов”, искал “врагов и заблуждающихся”, но в основной своей массе инакомыслие было изжито. Вместе с троцкизмом были изгнаны сомнения в “возможности победы социализма в одной стране”, отвергнуты все обвинения ВКП(б) в “национальной ограниченности”⁷³. Однако Шестой конгресс повернул вопрос о взаимосвязи советского социализма и мировой революции, которую ожидали в недалеком будущем, новой гранью, поставив проблему предотвращения империалистической войны.

Говоря о мерах предотвращения войны, Коминтерн полагал, что центральным лозунгом для всех коммунистов “должен быть не мир, а пролетарская революция”⁷⁴. Причем революция в этом случае рассматривалась как естественное средство предотвращения войны с Советским Союзом, органично сочетающееся с тактикой перевода войны империалистической в гражданскую. Отводимая Коминтерном Советскому Союзу и Красной Армии роль определялась положением о *неизбежности* и *необходимости* войн “пролетарских государств с буржуазными”, “за освобождение мира от капитализма”⁷⁵. В этой, уже ставшей традиционной, схеме особое внимание обращалось на активизацию *вооруженной* деятельности партий для подрыва военной мощи буржуазных государств, дестабилизации политической ситуации, подготовки вооруженного восстания. Наконец, для разваливающихся партий, продолжающих

⁷² VI Конгресс не изменил утвержденную ранее норму. Всемирный форум должен был собираться один раз в два года.

⁷³ См.: Коммунистический Интернационал в документах. С. 680-690.

⁷⁴ Там же. С. 804.

⁷⁵ См.: Там же. С. 811.

внутрипартийную фракционную борьбу, нашлось “настоящее” дело.

Коммунистическим партиям указывалось ни в коем случае не выступать под лозунгом всеобщего разоружения, уподобляясь пацифистам. Напротив, коммунисты должны были добиваться предоставления рабочим организациям права “обучать своих членов употреблению оружия” при свободном выборе инструкторов, отпуска “наемных войск” и т.д.⁷⁶ Далее – больше, при обострении ситуации в дело должны вступить пролетарская милиция, партизанские отряды и Красная гвардия. Ясно, что использование таких форм организации пролетариата без длительной и тщательной подготовки невозможно, поэтому партии должны начинать вооружать какие-то свои подразделения еще в *мирное* время. Компартиям специально предлагалось также тщательно подготовиться к мгновенному и безболезненному переходу на нелегальное положение. Таким образом, тактика “класс против класса” на Шестом конгрессе получила новый мощный импульс поддержки.

Отныне мир для Коминтерна был разделен на две неравные половины: на “своих”, готовых с оружием в руках защищать власть большевиков в СССР, бороться за мировую революцию, ждущих революционную мировую войну, ибо она давала шанс уцелеть, и “чужих”, к которым были отнесены все “не свои”. Причем тех, кто был более всего близок коммунистам по своим убеждениям, коммунисты, по решению конгресса, должны были считать своими главными противниками. И борьба с социал-демократией с конца двадцатых годов вступила в новую стадию, объяснить ее причины и накал детским максимализмом уже невозможно. Борьба против всех – неотъемлемая черта политики Интернационала. Противопоставляя себя цивилизации европейского общества, Коминтерн обрек себя на смерть в условиях “стабилизации”. Еще в 1928 г. казалось, что ничто не может спасти “мировую партию”. Однако жесточайший экономический кризис “выручил” Третий Интерна-

⁷⁶ Там же. С. 817-819.

ционал, отсрочив его гибель. Кризис резко поляризовал политическую жизнь Европы, столкнув коммунистов и фашистов. Политические крайности, оказалось были нужны друг другу. Их действия были взаимообусловлены. В то же время борьба этих сил также была неизбежна.

С конца двадцатых годов резко усиливается активность Коминтерна. Растут ряды и электорат его национальных секций. Ситуация (даже в упрощенной оценке Интернационала) потеряла свою однозначность. Это потребовало более дифференцированного подхода к партиям, развития их инициативы, предоставления им больших прав. На XII пленуме ИККИ прямо указывалось на опасность сверхцентрализма, “голового командования”⁷⁷. С этого времени довольно часто начали проводиться различные региональные конференции. Но контроль со стороны ИККИ и Кремля за всеми инициативами оставался жестким. Непослушание каралось. Кремль *полностью* прибрал к рукам все механизмы принятия решений и в ИККИ, и в национальных секциях. Отныне здесь звучал, во всяком случае, был слышен, только русский голос.

Бухарин, сделав свое дело, был убран из руководства Интернационала. Помимо всего прочего, его обвиняли в приверженности настроениям “худших элементов окостенения и бюрократизма”⁷⁸. К власти пришел “лучший ученик и соратник Ленина” – Сталин. Теперь уже в любых постановлениях достаточно было сделать ссылку на “вождя”, и все становилось понятным и ясным. Например, на XII пленуме ИККИ при определении задач национальным секциям было просто указано на необходимость вести непримиримую борьбу “со всеми извращениями марксизма-ленинизма, за чистоту партийной теории, в духе указаний письма т. Сталина”⁷⁹, и все. Сталин с этого времени практически единолично решает вопросы, связанные с деятельностью Коминтерна. Организационных новаций

⁷⁷ См.: Коммунистический Интернационал в документах. С. 981.

⁷⁸ Там же. С. 911-912.

⁷⁹ Там же. С. 982, 995.

после Шестого конгресса практически не было. Благодаря решениям об активизации вооруженной деятельности и подчинению ИККИ и национальных партий воле нескольких “вождей” *организационный предел был достигнут.*

Гром грянул в 1933 г. в Германии. Выяснилось, что мировой кризис и активизация фашизма отсрочили гибель Коминтерна. Методы политической деятельности, принимаемые партиями по рекомендациям ИККИ, продемонстрировали свою весьма слабую эффективность. Организационная структура Коминтерна, не говоря уже о его политических ориентациях, оказалась сильнейшим препятствием для действенной борьбы против фашизма.

Начиная с 1933–1934 гг. в коммунистических партиях происходил мучительный пересмотр всех традиций, составляющих суть политики Коминтерна. Наконец, в 1935 г. на Седьмом конгрессе реалистическая линия в Коминтерне возобладала, но гнет многолетней политической практики окончательно преодолеть не удалось. Была одержана лишь частичная победа, заметная зачастую лишь в декларациях. Не помогла и реорганизация аппарата ИККИ в сентябре 1935 г. Полумеры уже не помогали (и не могли помочь!). “Поворот” Коминтерна был невозможен без его роспуска. Все так же Интернационал управлялся из Кремля, хотя был отменен институт уполномоченных представителей ИККИ в национальных секциях и распущены региональные секретариаты. Все так же коммунистические партии в соответствии с указаниями “центра” боролись с “правой опасностью”, хотя основная установка предлагала бороться за широкий народный антифашистский фронт. По-прежнему в Коминтерне осуждалось увлечение парламентаризмом, хотя партиям рекомендовалось всячески активизировать контакты с социал-демократами. Наконец, все решения VII конгресса были перечеркнуты актом роспуска коммунистической партии Польши в 1938 г. и массовыми репрессиями конца 30-х гг., в результате которых были уничтожены многие и многие коминтерновцы. Ориентация коммунистического движения на “страну

победившего социализма” принесла свои страшные плоды. “Русский вопрос” был решен в очередной раз, но (увы!) не в последний.

Итак, стало абсолютно ясно, что свою роль Третий Интернационал сыграл до конца, что его дальнейшее существование ставит под вопрос и перспективы развития самого коммунистического движения. Однако роспуск Коминтерна в 1943 г. отнюдь не предполагал отказа коммунистических партий от “коминтерновского” наследства. Теоретические, политические и в определенной степени организационные принципы, базирующиеся на ленинских идеях и лежащие в основе деятельности Третьего Интернационала, еще длительное время определяли стратегию и тактику многих коммунистических партий. Если до Второй мировой войны коммунистическое движение развивалось однолинейно от идей левой социал-демократии в направлении все большей организационной централизации, “русификации”, идеологического и теоретического единообразия, причем основной этап на этом пути был пройден к концу двадцатых годов, то в послевоенный период коммунистические партии мучительно проделывали обратную эволюцию (либо вынуждены были постепенно сойти с политической арены). Отказ от ленинских, “коминтерновских” принципов стал возможен лишь вместе с крахом коммунистических обществ и означал крах всего коммунистического движения.